

К 556

К Р О К О Д И Л

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

НЕ ПО ПЛАНУ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

— Смотри, Пьер, как в Советском Союзе успешно идут дела!
 — Ещё бы! Ведь они живут по своему плану, а мы — по чужому

Важное бывает...

(РАССКАЗЫ ДЕПУТАТОВ)

КОГДА МИЩЕНКО ЗАГОВОРИЛ

ОДИН из дсмов моего избирательного округа требовал срочного и серьезного ремонта. Были отпущены материалы, асигнованы средства; оставалось начать строительные работы. Но руководители жилищного управления Щербаковского района дело затянули. Жильцы дома ходили в жилуправление и в одиночку, ходили и делегациями, а толку добиться так и не смогли.

Избиратели попросили меня:

— Сходите вы, Анна Фёдоровна. Там есть заместитель управляющего Мищенко. Очень серьезный мужчина. Не хочет даже разговаривать с нами. Может, вы на него подействуете.

Я отправилась.

У стола заместителя управляющего произошла следующая сцена.

— Здравствуйте, товарищ Мищенко, — сказала я как можно вежливее и любезнее, надеясь таким образом втянуть в разговор молчаливого руководителя.

Но Мищенко молчал.

— Здравствуйте, товарищ Мищенко, — повторила я ещё любезнее.

— Я занят. Разговаривать не буду, — сообщил Мищенко «без отрыва» от бумаг, которые он просматривал.

— Я депутат...

— Разговаривать не буду.

Чтобы показать Мищенко свою настойчивость, я присела на стул и решительно начала:

— Мои избиратели...

— Разговаривать не буду, — тем же бесцветным голосом прервал меня Мищенко и вдруг обогатил свой лексикон новым словом: — Выйдите, — сказал он мне так спокойно и буднично, как говорил уже не одному посетителю.

Я немедленно последовала его совету.

Не надеясь больше на разговорчивость Мищенко, я стала действовать через посредников и написала о своей первой встрече с молчаливым заместителем управляющего секретарю Моссовета товарищу Соколову.

Приглашённый в Московский совет для объяснений, Мищенко неожиданно оказался весьма красноречивым человеком. Речь в защиту своей возмутительной бестактности, он построил на одном аргументе: он меня даже не видел.

Товарищ Соколов усмехнулся:

— Позвольте, как это можно не видеть посетителя, который стоит у вашего стола?

Но я подтвердила, что товарищ Мищенко говорит правду. Он и в самом деле меня не видел. Успев в течение пяти минут наговорить мне кучу грубостей, он ни разу не поднял даже головы.

Теперь своеобразная манера товарища Мищенко вести приём посетителей будет предметом обсуждения на исполкоме Щербаковского райсовета.

А. БОБОРОВА,
депутат Моссовета

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРИТЕТЕ

Г ОВОРЯТ:

— Товарищ завоевал авторитет.

Или наоборот:

— Товарищ потерял авторитет.

Мне приходилось наблюдать и то и другое. Вот как, например, одна сотрудница Мосжилуправления обрела авторитет.

Она работает секретарём у тов. Суязова. Мы с ней теперь друзья. Её даже называют «дяди Володи крестница». Вот как я попал к ней в крёстные отцы.

Нужно было мне побывать у Суязова. Пришёл в приёмную и прошу приёма. Не успел я объяснить как следует, что мне нужно, а эта девушка категорически отказалась меня пропустить к начальнику и начала потихоньку грубить.

Очень мне жаль стало, что она такая невоспитанная. Я протягиваю ей своё депутатское удостоверение. Она и глядеть не хочет. Я прошу, чтоб доложила. Бранится и не слушает. А потом случайно на мандат взглянула. И сразу будто переродилась. Все вежливые слова у неё появились: и «пожалуйста», и «очень рады», и даже «сию минуту». Ну, тут мне её вовсе жалко стало. Решил я ей помочь человеком стать. Захожу к Суязову, он, конечно, один и не особенно занят. Я ему говорю:

— Надо, мол, вашего секретаря от бюрократизма вылечить. Такая молодая, а уже хворает этой болезнью. Что же дальше с ней будет?

Словом, прочили девушку. Выговор прописали. Теперь вежливая, прямо приятно. И, конечно, пользуется авторитетом у посетителей.

А вот как одна женщина потеряла авторитет. Фамилия её — Берёзкина. Должность — председатель Немчиновского поселкового совета. То ли из-за своей занятости или по другой причине она иногда не разбирает, что делает. Однажды не разобралась и вселила одного неприятного жильца в комнату семьи военнослужащего. Постепенно новый жилец столько гадостей сделал, что хозяева в милицию собрались идти. По дороге к Берёзкиной завернули. Она их, конечно, не приняла.

Вскоре районный прокурор вынес специальное решение о выселении хулигана. Не помогло. Берёзкина, соблюдая свой авторитет, решила не перерешать своих решений.

Я к ней приехал. Прошу отменить решение. На прокурора ссылаюсь. Не хочет.

— Мне, — говорит, — прокурор Кунцевский — не указ, а вы, — говорит, — извините, депутат всего лишь Моссовета, а мне только область — указ. Я, — говорит, — своего авторитета принижать не буду и перерешать не стану.

И тогда я пригласил на помощь прокурора республики. Он для Берёзкиной оказался указом. Так и лишилась она авторитета. Перерешала своё решение.

Вот я и хочу сказать, что обрести авторитет легко, но потерять его ещё легче. Об этом пусть не забывают новые депутаты.

В. ВОРОНКОВ,
депутат Моссовета

«КОНЕЦ — ВСЕМУ ДЕЛУ ВЕНЕЦ»

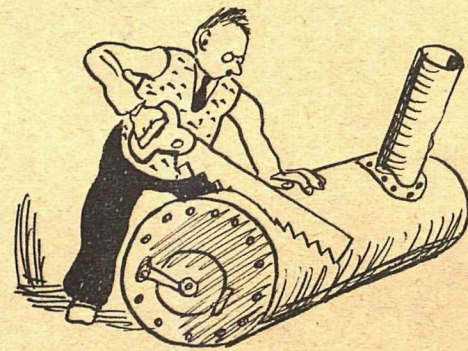
ЕСТЬ хорошая народная поговорка: «Конец — всему делу венец». В депутатской практике мы придерживаемся этого правила, хотя достичь «венца» часто не так-то легко.

Так было, когда жильцы дома № 12 по Тверскому-Ямскому переулку решили привести в порядок свою отопительную систему. Путь к теплу преградил им старый котёл, обогревавший в своё время не одно поколение жильцов. Когда этот нагревательный сосуд пытался привести в действие, он так угрожающе гудел и свистел, что мы понимали: со стариком шутки плохи.

Я взялась помочь моим избирателям раздобыть новый котёл. В Моссовете меня поддержали. Но, как это часто бывает, работники, которым надлежало быстро и точно выполнить распоряжение Моссовета, стали энергично вставлять нам палки в... котёл.

Нам предложили получить котёл не сразу, а постепенно: частями, по секциям. Нам сказали:

— В текущем квартале занарядим вам две секции и в дальнейшем будем иметь вас в виду.

Котёл должен был состоять из двенадцати секций. Мы без труда подсчитали, что при этом способе нам придётся в течение полутора лет копить секции, пока из них образуется работоспособный котёл. Мы отказались.

В Мосжилснабе нам предложили «самый верный способ», как получить котёл наверняка:

— Очень просто. Вы идёте в министерство и добиваетесь, чтобы они дали указание своему заводу опустить двенадцать запланированных для Мосжилснаба котлов. Вам как общественности они не откажут. Одиннадцать котлов вы отдаёте нам, а двенадцатый берёте себе. Чем плохо?

Мы отказались и от этого «самого верного» способа и стали более законными путями пробиваться к видневшемуся далеко впереди желанному котлу.

«Дело о котле» пухло. Канцелярские силы мощностью во много атмосфер раздували папку до угрожающих размеров. Но жильцы бесстрашно, а главное, не напрасно, носили её по инстанциям.

Наши усилия увенчаны теперь мощным котлом, который горячо и охотно гонит тонны пара по трубам, вверенным его попечению.

В. КОРЯГИНА,
депутат Моссовета

иллюстрации Е. ЕВГАНА

ОНИ ВОЗМУЩЕНЫ

Немецкая газета «Нейес Дейчланд» писала недавно, что в американской зоне оккупации Германии, в Мюнхене, производится вербовка немецких моряков для службы в «международных паромных компаниях». Принимаются только лица, служившие в германских вооружённых силах. Понятно, что бывшие гитлеровские воюки, которые два года назад уничтожали свои воинские удостоверения, возмущены:

— Чорт их поймёт, этих янки! Не могли в своё время предупредить, что мы им скоро понадобятся!..

АМЕРИКАНЦЫ В ТУРЦИИ

Американские капиталисты дали в этом году Турции 100 миллионов долларов. Последствия этого «дара» уже сказываются.

Турецкая сатирическая газета «Меркумпаша» «восторженно» пишет:

«Мы стали американцами. В Турцию прибыл американский капитал, демократия, атом, доллар, корабли, миссии советников и контрольные комиссии. Короче говоря, в Турцию прибыл американизм. Нехватало только американских гангстеров. Однако в последнее время, слава богу, появились и они; бандиты в масках стали грабить прохожих, грузовики, квартиры и т. д. Если дела пойдут таким образом, мы увидим и ограбление банков, дымовые бомбы, сыщиков и похищение детей».

Турецкие сатирики наивно полагают, что самое страшное для турецкого народа — это гангстеры в масках. Но советники без масок куда опаснее!

СТАРАЯ ВЕДЬМА

В конце ноября выходящая в американском секторе Берлина газета «Дер курир» поместила сообщение о выступлении американской писательницы Гертруды Этерток, которая в день своего 90-летия заявила:

«Если бы мы не были столь вялыми, мы должны были бы уже теперь сбрасывать атомные бомбы...»

Все здравствующие понине в американской зоне гитлеровцы полны гнева:

— Старая ведьма! Где же она пряталась

90 лет? Ведь она могла бы быть украшением гитлеровского режима!

ТРИ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Не так давно группа американских конгрессменов во главе с республиканцем Колом совершила инспекционную поездку на Дальний Восток. Вернулись конгрессмены с твёрдым убеждением, что китайскому правительству надо безотлагательно помочь. В своём отчёте они пишут:

«Несмотря на якобы существующую, а во многих отношениях действительно имевшую место коррупционную практику в национальном правительстве, для США было бы предпочтительней иметь в Китае свободное, хотя и аморальное правительство, чем иметь враждебное правительство, хотя бы и высоко моральное, но находящееся под коммунистическим влиянием».

В одной фразе три характеристики:

Во-первых, «дружеская» характеристика китайского правительства (аморальное).

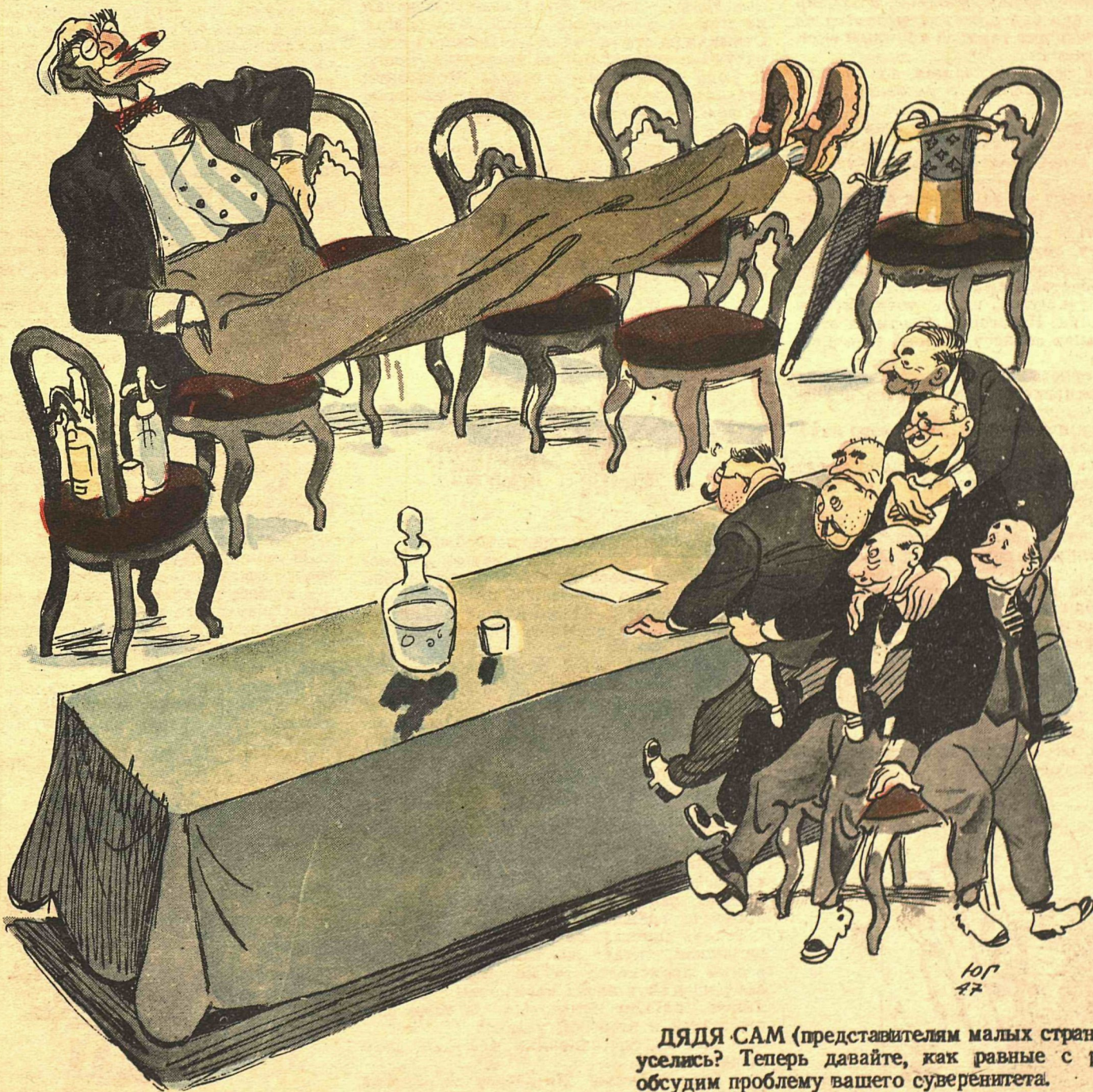
Во-вторых, вполне объективная характеристика правительства, находящегося под коммунистическим влиянием (высоко моральное).

В-третьих, собственная характеристика, которая буквально выпирает из каждой буквы этого циничного документа.

М. ЯНКО

В ТЕСНОМ КРУГУ

Рис. Ю. ГАНФА

ДЯДЯ САМ (представителям малых стран): — Все уселись? Теперь давайте, как равные с равными, обсудим проблему вашего суверенитета.

Большая

Раздуются

ПОГОДА убийственная: сильный, хлесткий дождь пополам со снегом больно сечёт лицо. Небо висит над головой так низко, что кажется давно небелёным, грязным потолком. Хочется, чтобы поезд скорей покинул эти неприглядные места. Пять лет тому назад здесь бушевала война.

Проводник курьерского Семён Игнатов стоит на ступеньках своего вагона и то-склизко смотрит на лужи, на чёрные, мокрые заборы, на низкое небо, на невнятное здание станции, рядом с которым высятся огромные кучи грязного щебня — развалины былых построек. Ему холодно и скучно.

К вагону подходит женщина. На ней пальто, перешитое из шинели, надетое поверх ватника, на голове тёплая шаль, на ногах высокие, прочные сапоги, залепленные дорожной грязью.

Лицо у неё красное, усталое, но очень счастливое, как будто сверху сыплется не мокрый, мгновенно тающий крупный снег, а манна небесная.

— Милый человек, подвези до Звёздина! — говорит женщина, с улыбкой глядя на Семёна.

— Что я вам, базарный подводчик?! — сердится Семён. — Билет есть, — садитесь, поезжайте. А нет билета, — извиняйте, пожалуйста.

— Не продают на ваш поезд билеты на этих станциях. Подвези так! Тут всего-то один пролёт!..

— Не могу, тётка. Не проси! Женщина поправляет шаль обеими руками и улыбается ещё шире:

— Очень уж нужно ехать, товарищ железнодорожник. Подвезите! Я вам за это... двести граммов поднесу. У меня есть с собой!

— И за триста нельзя, гражданка! За нами пассажирский идёт. На него и ловчись!

— Не могу я его ждать. Мне скоро надо. Подвези, кавалер!

— Сказано уже: не проси! Какие могут быть просьбы на транспорте!

— Не я прошу, радость моя просит!

— Что же это у вас за радость такая особенная, чтобы зайцем ехать? — равнодушно-иронически спрашивает Семён Игнатов.

— Про мою радость в газете написано. Прочтите. Там отчёркнуто, что надо.

Продолжая улыбаться, женщина протягивает Семёну сложенный вчетверо газетный лист.

Проводник читает про себя отчёркнутую синим карандашом заметку, и постепенно скучливая хмурь сходит с его сурового скуластого лица.

Улыбаясь, он смотрит на сияющее лицо женщины и говорит:

— Отстроились, значит!
— Отстроились! Пятьдесят две избы стоят. Новёхонькие! А ведь когда вернулись из лесу, одна зола была. Кое-где только печные трубы торчали. Всё немец пожёг! Что-то вспомнив, женщина смеётся мелким, счастливым смехом:

— Мою землянку последнюю рушили. Что было! Председатель наш, Степан Лукич, ломом ворочает, а сам в припаяс!.. А Ванька Кутасов, инвалид, на баяне жару поддаёт. Ну, а бабы — те, конечно, режут от радости!

— Почему же тебя последнюю переселяли?

— Вы не думайте, я хорошо работала в поле. Так уж вышло. Надо же кому-нибудь и последней быты! Да я не обижаюсь. Избу мне хорошую поставили. Район помогал, а колхоз строил.

— Детишки, небось, рады?

— И не говорите! Так и скачут с печки на пол да с полу на печку. Как зайцы! Отвыкли за это время от деревянного пола, радуются теперь! Вот на новоселье спешу. Я сюда за припасами ездила. Подвезите, сделайте милость. Я бы три билета взяла, да ведь не продают на ваш поезд!

Быёт второй звонок. Быстро оглянувшись по сторонам, не следит ли главный, Семён Игнатов бросает шопотом:

— Ну, полезай скорей, новосёлка!.. Он берёт у женщины её мешок и помогает ей взобраться на высокие ступеньки. В вагоне тепло и уютно. Утомлённые дорогой и непогодой, бушующей за вагонными окнами, пассажиры дремлют на лавках.

Женщина в пальто, перешитом из шинели, робко садится на краешек скамейки.

Лежащий на скамейке пожилой мужчина просыпается, садится, недовольно смотрит на новую пассажирку и жёлчно заявляет:

— Послушайте, это всё-таки плацкартный, купированный вагон. У вас есть билет?

— Нету у меня билета, гражданин, — вздыхает женщина.

— Как же вы едете без билета? На каком основании?..

— На основании радости моей. Вот... прочтите, гражданин!

Теперь заметку, отчёркнутую синим карандашом, читает жёлчный пассажир. И с ним происходит то же самое, что несколько минут назад произошло с проводником Семёном Игнатовым: он тоже расплывается в широкой улыбке:

— Значит, восстановили всё-таки свою Кочетовку!

— Восстановили! Пятьдесят две избы! Новёхонькие!

— И у вас теперь хорошая изба?
— Хорошая. Лучше прежней!
— Вот видите, как хорошо! Да что вы сидите, как птичка на ветке? Садитесь поудобнее!

Приходит проводник Семён Игнатов, разговор становится общим, и скоро весь вагон узнаёт, что в третьем купе едет колхозница, которую третьего дня переселили из землянки в новую избы. Всем хочется на неё посмотреть, и — к ужасу Семёна Игнатова — в купе, где едет этот не совсем обычный железнодорожный заяц, набивается тьма людей. Дорожной скуки как не бывало! Радость, которую несёт в своей душе женщина в пальто, перешитом из шинели, становится общей — шумной, говорливой и бестолковой. Раздаются смех, шутки. Румяный чубатый лейтенант заявляет, что он воевал в этих местах и, возможно, освобождал Кочетовку. По этому случаю он считает необходимым выпить в честь её восстановления «свои боевые сто граммов». На столике в третьем купе появляется бутылка водки. Женщина в шинельном пальто развязывает свой мешок и тоже достаёт запечатанную пол-литровку и кольцо колбасы.

— Кушайте, пожалуйста! — говорит она, обращаясь к весёлым пассажирам. — Кушайте.. за нашу радость!

Водку разливают по стаканам и кружкам.

— Граждане пассажиры! — просит Семён Игнатов. — Вы только потише чокайтесь. А то придёт начальник, тогда будет мне горе за эту радость!

Потом чубатый лейтенант приносит из своего купе гитару и поёт «Землянку».

— Мне в холодной землянке тепло, — выводит он ладным тенорком, — от твоей негасимой любви!..

В Звёздино поезд приходит совсем затемно. Колхозницу из Кочетовки выводят провожать лейтенант и Семён Игнатов. В темноте всё с той же ровной окающей силой хлещет ноябрьский ледяной ливень.

— До деревни-то далеко до вашей? — спрашивает женщину проводник.

— Тридцать без малого.

— Доберётся?

Из мокрой стужёной темноты женский голос отвечает:

— Доберусь! Спасибо вам за ласку вашу! Счастливого пути!

Лейтенант и проводник слышат, как женщина бодро хлопает сапогами по лужам.

— Доберётся! — говорит Семён Игнатов. — У неё теперь вроде как крылья за плечами. Да и помогут ей. У нас народ такой!..

Поезд трогается. Лейтенант и проводник уходят в вагон.

АСТРЫ ОСЕННИЕ

ДАЛЕКО пойдёт Петя Смычков! Ловкий парень, ничего не скажешь!

Служит он в нашей канцелярии без году неделя, а уже кое-что знает такое, о чём мы, ветераны и старожилы, и понятия не имеем.

Возьмём, к примеру, такой насущный вопрос: известно ли вам, когда день рождения нашего начальника Егора Филатыча?

Ясно вижу полное недоумение на вашем лице. Откровенно говоря, я так и думал: не знаете.

Конечно, в своё оправдание можете сослаться на то, что вы, дескать, не помните и даты рождения таких значительных людей, как Лермонтов М. Ю. или Тургенев И. С.

Извините меня, это пустая отговорка. Упомянутые классики не являются вашим начальством, и вы не обязаны помнить в точности всю их биографию. Другое дело — Егор Филатыч.

Вот мы с вами ничего этого не поняли. А Петя Смычков осознал и принял к руководству. Он осведомлён не только о дне рождения Егора Филатыча, но и об именах супругов начальника...

Бьюсь об заклад, что вы даже не слышали, как её имя-отчество. А Смычков Петя всё знает. У него для сей благородной цели приспособлена маленькая записная книжечка, в которой сокращённо обозначены все имена-отчества, адреса, семейные праздники и даже склонности нужных ему людей. Например: «Ив. Сем. — муж главбуха. Пива не пьёт». Или «Клоп н. г.» (что означает — Клавдию Львовну обязательно поздравить с новым годом).

Я тут, извините, малость отвлекся в сторону. Вернёмся же ко дню рождения Егора Филатыча. Об этом знаменательном дне пронюхал Петя Смычков и, как нам всем стало известно, послал начальнику надом роскошную корзину цветов — осенние астры.

Когда я узнал о ловкости Пети Смыčkова и его операции с астрами, во мне сразу проснулся сатирический дух.

Надо вам знать, друзья, что иногда в свободное время я, грешный человек, люблю побаловаться сочинением фельетонов. В большие газеты и журналы я не осмеливаюсь соваться: робок я очень. Но в нашей стенгазете неоднократно и небезуспешно пробовал свои силы на этом скользком пути.

Так вот взял я и написал небольшой рассказец под заглавием «Астры осенние». И там в смешной форме изобразил некоего подхалима, который... Короче говоря, вам ясно, о чём речь идёт. И фамилию этому молодому, но подающему надежды подхалиму я дал в рассказе такую — Поклонов.

И решил я показать это сочинение Пете Смычкову. Узнает ли он себя или нет? И как он вообще отнесётся к той ситуации, которая описана в рассказе?

А надо вам знать, что Петя Смычков, хотя был недорослем и невеждой, считал себя крупным ценителем юмора и сатиры.

Других жанров литературы он не дерзал касаться, справедливо полагая, что это вещи серьёзные и ему не подсудные. Другое дело, когда попадал в руки Смыčkова фельетон или юмористический рассказ — здесь наш герой чувствовал себя вправе давать снисходительные оценки и барски похлопывать авторов по плечу: «Дескать, и ничего себе и так себе, старайся, мальчик».

Прочитав мои «Астры осенние», Смычков мятко улыбнулся и сказал:

— Надуманно. Нежизненная ситуация.

Где-то когда-то он вычитал эти слова и хотя не совсем понимает их смысл, но охотно позванивает этой мелкой монетой.

Помолчав минуты две для солидности, Смычков продолжал:

— Что я могу вам сказать? Вот и вы, дорогой товарищ, как и прочие сатирики и юмористы, оторваны от жизни. Да! Вы отстали, мой друг. Где вы сейчас могли встретить такого подхалима, как ваш Поклонов? А? Нигде. Этот тип у нас давно отжил. Лет пятнадцать тому назад, не отрицаю, водились у нас Поклоновы. А теперь, чтоб кто-то посылал цветы начальнику!.. Ну, нет! Сейчас другой подхалим, потоньше, поискусней. Вся беда в том, мой милый, что вы плохо следите за жизнью...

Он говорил долго и смачно. Я слушал и думал:

«Видимо, тут произошла ошибка. Значит, я пользовался непроверенным слухом. Значит, он не посылал цветов, иначе бы он так не говорил...»

Мои размышления прервал Смычков.

— Вот что, дорогой товарищ, — сказал он, — хотите я вам помогу? Я на своём веку повидал немало подхалимов. Я их натуру хорошо знаю. Я вам набросаю тезисы, что и как надо писать об этих типах. А вы потом оформите...

Он схватил со стола какую-то бумажку, и не прошло и пяти минут, как «тезисы» были готовы.

— Получайте и шагайте, — произнёс он с очаровательной улыбкой. — У меня тут ещё масса дел. Заболтался я с вами. Пока!

Я вышел и в коридоре взглянул на бумажку. Что-то начиркано весьма неразборчиво.

Я перевернул бумажку и на оборотной стороне я увидел какой-то черновик. По черк Смыčkова. «Дорогой!» Зачёркнуто «дорогой». «Многоуважаемый Егор Филатыч! Разрешите...» Зачёркнуто «разрешите». «Позвольте поздравить...» Дальше неразборчиво. «И примите эти цветы в знак...» Дальше...

Дальше уж не хотелось читать.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА

Чуть-чуть мимо нас не прошло большое и радостное событие — пятидесятилетие непрерывной деятельности в ростовской на Дону конторе Главбумбшта управляющего конторой О. М. Юрагова и его заместителя Е. А. Рысса. Лишь благодаря счастливой случайности мы узнали о славном юбилее. К нам попал пригласительный билет, разосланный различным учреждениям многих городов самими юбилярами. Текст приглашения гласит:

«Уважаемый товарищ!

Шестого ноября с. г. состоится вечер встречи, устраиваемый комиссией по поводу 15-летнего юбилея непрерывной деятельности в ростовской и/Д к-ре Главбумбшта:

1. Управляющего к-ры ЮРАГОВА О. М.
2. Зам. управляющего РЫСС Е. А.

Приглашая вас на означенный вечер, просим прислать нам ваши замечания о нашей работе и пожелания.

Управляющий Главбумбшта Юрагов».

Хотя мы на означенный вечер и не были приглашены, всё же позволим себе дать отзыв о работе именинников: работа по подготовке к столь выдающемуся празднику проведена ими блестяще.

Рис. Г. Валька

«АКТИВНЫЙ» ДЕПУТАТ ГОРСОВЕТА

Некоторые депутаты городских, районных и сельских Советов, избранные в прошлые выборы, вновь не выдвинуты за бездеятельность.

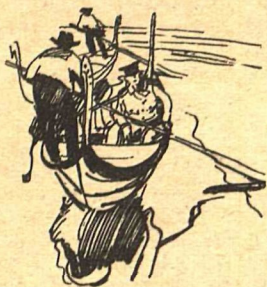
— Наконец-то я наткнулся на книжку, которую давным-давно не брал в руки!

— На какую?

— На депутатскую.

ВЕНЕЦИЯ ПО-АМЕРИКАНСКИ

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Бреда, на островах Мурано и Бурано...

Венеция прошлого смотрела на нас с каждого монумента, картины или дворца. Венеция настоящего смотрела за нами заботливыми взорами солдат оккупационных патрулей. Об одном из представителей этой Венеции, стандартном американском Джони, здесь рассказывают такой анекдот:

Джони написал своей Жесси в Чикаго: «Наконец мы в Венеции, в той самой Венеции, о которой знает каждый культурный человек. Городок — о'кей. Есть дворцы, кафе и рестораны. Но мне чертовски не повезло. Вот уже целую неделю, как я здесь, а по улицам всё ещё нельзя ходить из-за страшного наводнения, и нам приходится ездить на лодках...»

Венеция будущего встречала нас повсюду революционными лозунгами, которые безуспешно пытались со стен заводов и дворцов «хозяева» Венеции настоящего...

КРАСНАЯ ИКРА И АНГЛИЙСКИЕ ПРИЕМЫ

МЫ ПРИВЕЗЛИ с собой несколько банок икры. Портье отеля торжественно поместил их в холодильник. Прошло несколько дней, и советская делегация устраивала приём для иностранных кинематографистов. Мы попросили портье доставить икру из холодильника. Через несколько минут он прибежал бледный и растерянный.

— Извините, синьоры, — с трудом произнёс он, — я не могу вам доставить вашу икру. Она испортилась!

Я попытался его успокоить:

— Икра не может испортиться за несколько дней, да ещё находясь в холодильнике...

— Уверю вас, синьор, — в страхе продолжал он, — она испортилась. Она покраснела.

В одной из банок была кетовая икра, о существовании которой в Венеции не имели представления. На приёме красная икра имела огромный успех. Кто-то пустил слух, что это — новейшее большевистское изобретение, поэтому, дескать, она красная. Сколько мы ни уверяли, что это обыкновенная кетовая икра и что, к тому же, она намного дешевле зернистой, нам не желали верить.

Спустя несколько дней приём для участников фестиваля устроила английская делегация. Не в пример советскому приёму английский был на редкость скудный. Гостей угощали фанерообразными галетами из интендантских запасов оккупационных частей. Даже виски, как особый деликатес, официанты наливали только избранным гостям. Несмотря на это, в венецианских газетах на следующий день появилось сообщение, в котором английский приём был назван лучшим приёмом венецианского фестиваля. Захлёбываясь от восторга, газеты писали:

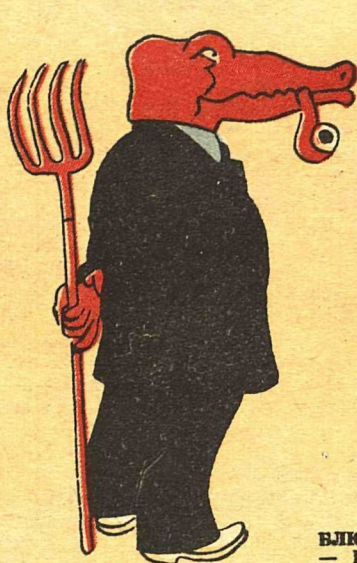
«Была продемонстрирована гостеприимность и щедрость в традиционном духе старой доброй Англии...»

— Как вы этого добились? — спросил я у одного из членов английской делегации.

— Видите ли, — ответил он, — дело в том, что вы истратили деньги на приём, а мы истратили их на итальянскую прессу. Поверьте, что это стоило нам намного дешевле...

ВЕНЕЦИАНСКИЕ МАКФЕРСОНЫ

В СКОРЕ я имел возможность убедиться в том, чего стоит итальянская реакционная пресса. Возвратившись как-то в отель, я застал в вестибюле поджидавшего меня пожилого человека. Он положил передо мной две объёмистых статьи и приступил к делу.

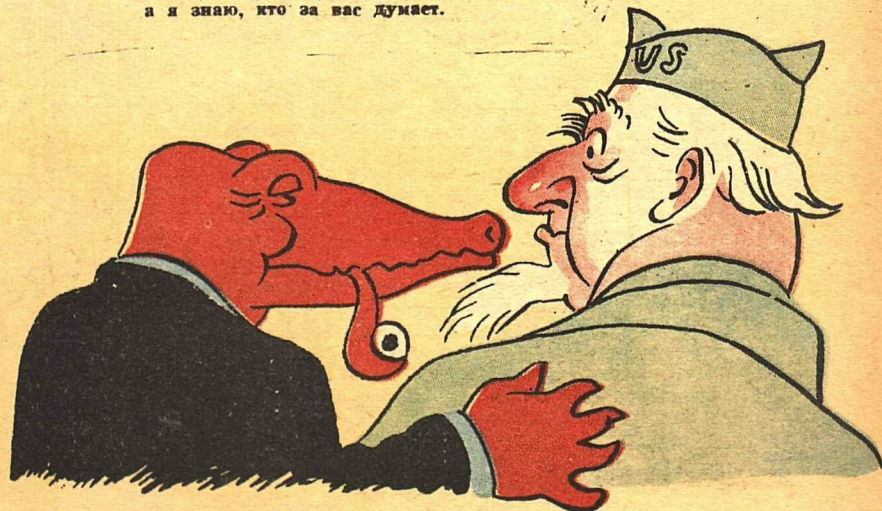
БЛЮМУ
— Вы думаете, что мы социалист? Ха-ха-ха!

ЯЛЧИНУ
— Держу пари на доллар, что вы именно о нём думаете.

БРАЗИЛИИ, ЧИЛИ и др.
— Вы думаете, что вы сами думаете, а я знаю, кто за вас думает.

ДЯДЕ САМУ
— Вы думаете, что никто не знает нашего секрета!..

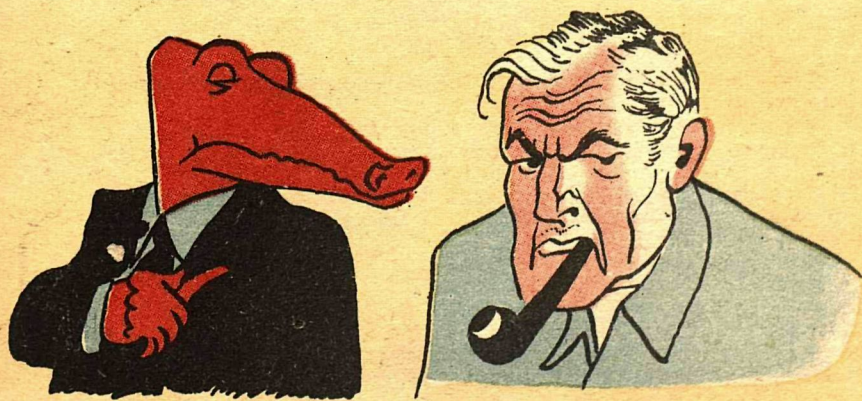
**ХЕРСТОВОКОМУ
ЖУРНАЛИСТУ**
— Вы не думаете, а
выдумываете.

**ГОСПОДИНУ ЛОУРЕНСУ,
ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ЮЖНО-
АФРИКАНСКОГО СОЮЗА**
— Я не стану читать ваших
мыслей. Я их уже читал в
«Фелькишер беобахтер».

**АВТОРУ ПОРНОГРАФИЧЕ-
СКИХ РОМАНОВ**
— Я, мосье, никак не могу
сказать вслух, о чём вы ду-
маете.

РЯДОВОМУ АМЕРИКАНЦУ
— Вы думаете? В Америке это теперь
опасно.

— Сеньор Александров, — сказал он, — вот перед вами две статьи о вас. В одной из них я вас хвалю, — он процитировал несколько фраз. — В другой я вас ругаю... Ваши враги дают мне за напечатание ругательной статьи 25 тысяч лир. Я человек честный. Если вы заплатите мне 30 тысяч лир, я уничтожу эту ужасную статью и напечатая ту, в которой я вас хвалю.

— В какой газете вы можете напечатать одну из ваших ругательных статей? — спросил я.

Он назвал на выбор несколько махровых реакционных органов.

— Вот что, — сказал тогда я ему, — печатайте вашу ругательную статью. Мне было бы очень неприятно, если бы такие газеты написали обо мне хорошо...

Грязная статья появилась в одной из бульварных газет и вызвала целую серию протестов на страницах прогрессивной печати.

Любопытный случай произошёл также с советской киноактрисой Любовью Орловой. Правительственный руководитель итальянской кинематографии Андреоти сфотографировался с ней под руку. Однако Андреоти не повезло: на другой день, когда фотография уже должна была появиться в газете, премьер-министр де Гаспери выступил с антисоветской речью. Андреоти, видимо, решил, что его появление на фотографии рядом с советской киноактрисой может дурно отразиться на его служебной карьере. Он нашёл выход. Фотография появилась в газете, но подпись под ней гласила: «Андреоти беседует с киноактрисой Мартой Эггерт»...

ИТАЛЬЯНСКИЕ ШЕКСПИРОВЕДЫ

В ВЕРОНЕ нам показали могилу Джульетты. Мы позволили себе усомниться в её подлинности. Ведь, как известно, Джульетта является созданием Шекспира... Нас заверили, что именно здесь похоронена Джульетта и что она именно та, о которой писал Шекспир.

— Великий драматург знал о том, что в Вероне проживали семьи Монтекки и Капулетти, и описал историю их вражды, — уверял нас гид.

Несколько дней спустя мы побывали в Венеции. Здесь среди прочих достопримечательностей нам показали дом, в котором жили Отелло и Дездемона. Гид был страшно удивлен, когда мы повернулись и ушли, не пожелав выслушать его рассказа о том, что Шекспир доподлинно знал, что именно в Венеции и именно в этом доме проживали знаменитый маур и его прекрасная возлюбленная.

ИСКУССТВО УЖАСОВ

ИЗВЕСТНЫЙ кинорежиссёр Рене Клер сказал:

— Если бы голливудцы знали, что их фильмам принесут успех лягушки, в Голливуде очень скоро нечего было бы делать кинозвездам, а отдельные, особо удачливые лягушки получали бы гонорары ничуть не меньше, чем современные «стар».

Действительно, то, что привезли американцы на Венецианский международный кинофестиваль, свидетельствует о падении не только американского кинематографического искусства, но в первую очередь американских нравов. Запекшаяся кровь, проломанные черепы, выстрелы в упор, кошмарные автомобильные катастрофы и снова убийства — ножом, подушкой, верёвкой, бутылкой, утюгом, железнодорожным фонарём — всем, что попадётся под руку кинорежиссёру, разгорячённому погоней за долларом.

Возле меня на фестивале сидел пожилой французский композитор, автор множества музыкальных фильмов. Увиденное им в американских фильмах вызвало его из душевного равновесия.

— Не откажите в любезности, — обратился он ко мне после первой недели фестиваля, — может, вы согласитесь проводить меня домой? Я живу здесь неподалеку. Я боюсь идти по улице...

Спустя две недели он боялся уже жить в Венеции и переехал на остров Лидо.

Мы провели месяц в Венеции и посмотрели множество современных американских фильмов. На обратном пути в Москву, в Париже мы обратили внимание на афишу театра «Гранд гениоль». Этот театр целое столетие специализируется на искусстве ужаса. Мы ругали для полного впечатления посетить этот театр и посмотреть пьесу Де-Кобра «Карнавал мертвецов». «Гранд гениоль» — Театр большого ужаса...

С каким наслаждением мы отдохнули в нём и посмеялись после ужасов американской кинематографии!

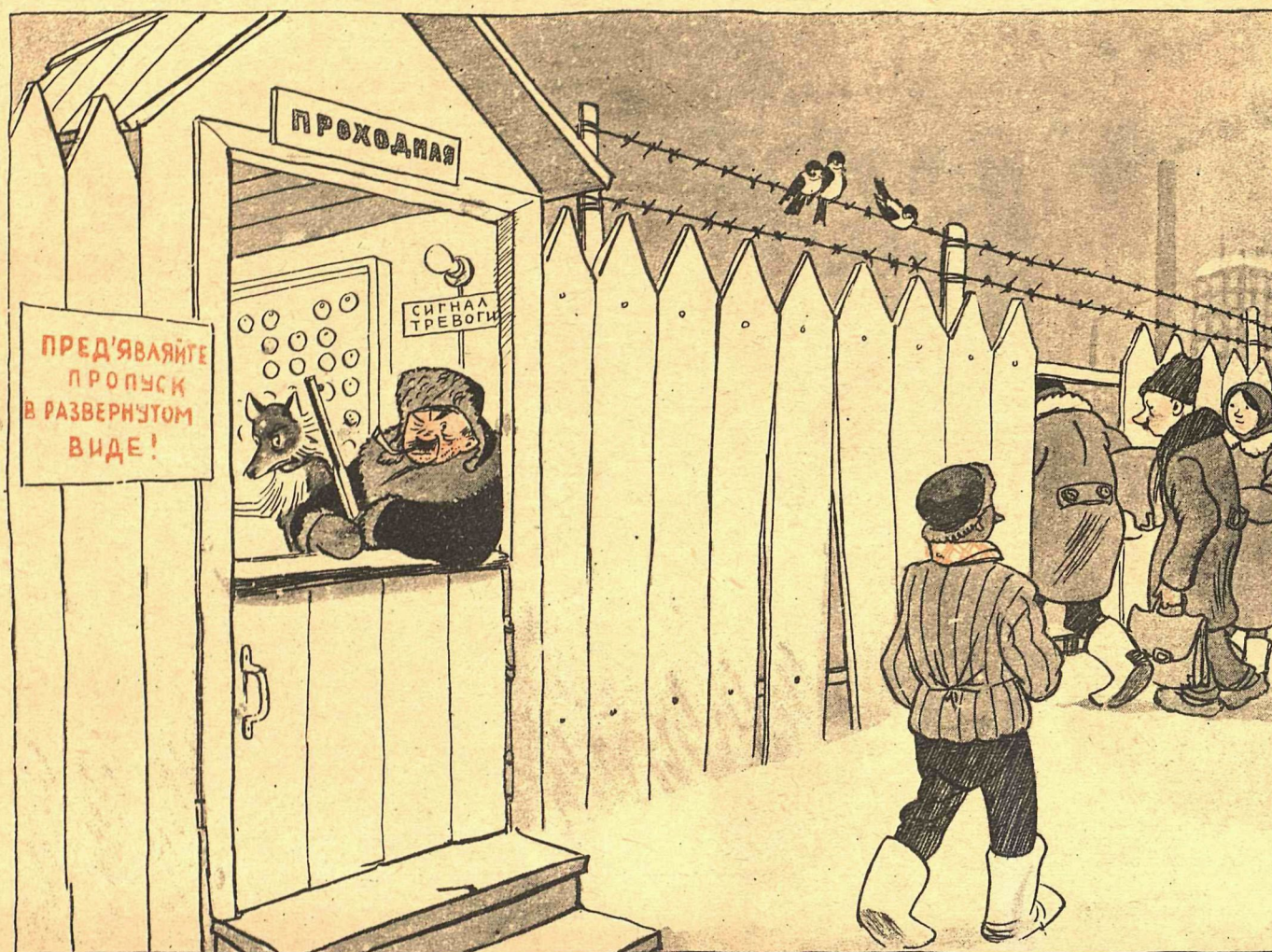

Рисунок-шутка: где проходная будка?

Я ПЕРЕСТАЛ ПЕТЬ...

У МЕНЯ отличное настроение. Я иду домой и напеваю что-то очень мажорное. Слова и мотив трудно разобрать, но мне кажется, что каждому ясно: я пою о том, как хороша жизнь.

Вот и мой дом. Как-то по особенному нарядно выглядит он, поблёскивая на солнце своими многочисленными окнами.

Поднимаюсь на второй этаж. Стучу в дверь. Мне открывает сынишка. Я ожидаю обычного рассказа про пятёрки или четвёрки, про радости и горести десятилетнего хлопца.

Сегодня мой парнишка удивительно серьёзен. Он не говорит ни слова про школу. Мрачным голосом сообщает:

— У нас отрезали свет.

— Свет? — спрашиваю я. — Кто? Почему?

Мне уже не хочется петь. Отличное настроение испорчено.

— Монтёр. И ещё акт составил.

Я читаю акт:

«За неплатёж и перерасход лимита».

У меня уплачено всё полностью. Лимит не перерасходован. В чём дело? Звоню в контору электросвета. К телефону подходит какая-то девушка, которая ведёт разговор удивительно спокойно:

— Отрезали? Значит, следовало.

— У меня всё уплачено, перерасхода нет.

— Может быть. Не знаю.

— А вы выясните! Я подожду у телефона.

— Придите послезавтра. Разберёмся здесь.

— Но мне сегодня нужен свет, сегодня! У меня соберутся друзья. Мы выполнили годовую программу. Понимаете, досрочно годовую программу.

— Понимаю. Зайдите послезавтра.

— Дайте к телефону вашего начальника.

К телефону подходит начальник:

— Так, так! Отрезали? Наш монтёр? Значит, были какие-то основания.

— Никаких! Я настаиваю — проверьте... У меня сегодня друзья... Понимаете, выполнили годовую программу...

— Ваша фамилия?

— Крутойров.

— Адрес?

— Пушкинская улица, 84, квартира 124.

— Посмотрим, посмотрим...

Проходит несколько минут. Я стою у телефона и нервничаю. Сын стоит около меня и тоже нервничает.

— Так, так. Ваша фамилия Крутойров?

— Да! Крутойров.

— У вас всё уплачено. Можете не волноваться. И с лимитом в порядке.

— Я знаю это без вас. Но свет... отрезали...

— Странно! Знаете что, зайдите завтра, будет монтёр, разберёмся.

— Простите! У меня всё в порядке. У вас напутали. Почему же я должен идти к вам и терять своё время? Вы напутали, вы ко мне и приходите. Только сегодня.

— Кому нужен свет? Вам или мне?

— Мне.

— Вот поэтому вы и должны к нам прийти.

Я чувствую, что начинаю повышать голос. Я кричу, что не я напутал, а они напутали. А тот, кто напутал, пусть и распутывает, пусть и ходит, теряя время. Но начальник защищён от меня стальной бронёй. Он повторяет:

— Вам нужен свет, вы и придёте. Всё-таки надо разобраться.

Он должен был отрезать свет в 134-й квартире. А может быть, он там не отрезал?

На другой день я иду в контору электросвета. Нахожу начальника. Человек, как человек. Улыбается. Поучает:

— Нельзя так горячиться. Надо заботиться о своих нервах.

Я отвечаю грубо:

— Вы не доктор! Не заботьтесь о моих нервах! Заботьтесь о свете у меня в квартире! Каждому своё!

Он рассматривает квитанции, которые я приволок. Зная характер некоторых таких товарищей, я представил квитанции, начиная с 1936 года. Пусть смодрит! Пусть проверяет! Пусть работает!

Он возвращает мне квитанции:

— У нас всё в ажуре. Мы и без квитанций всё хорошо знаем. Свет у вас отрезали неправильно. Напишите заявление, я наложу резолюцию, и в порядке очереди к вам придёт монтер.

Слово «очередь» приводит меня в уныние.

— Длинная? — спрашиваю я.

— Не очень.

Потом он смотрит на меня и неожиданно милостиво заявляет: — Вам мы сделаем вне очереди.

Через три часа ко мне приходит монтер. Не тот, что отрезал свет. Другой. Он всё быстро приводит в порядок. Он уходит, чувствуя, что ошастливил нас...

Проходит две недели. У меня отличное настроение. Я иду домой и напеваю что-то мажорное. Наш завод получил премию. Наша бригада получила знамя. Я избегаю по лестнице и стучу в дверь ногой. Руки у меня заняты. Я несу домой подарки. Сыну отличные коньки. Вот рад будет! Жене отрез на платье.

Я стучу в дверь ногой. Мне открывает сынишка. У него мрачное лицо. Он не замечает коньков. Он говорит:

— Отрезали! Свет отрезали!

Коньки падают на пол. Отрез — вслед за ними. Банка с малиновым вареньем валится на отрез.

— Кто отрезал?

— Первый монтер. За самовольное включение.

Я бросаюсь к телефону. Я требую начальника. Его нет. Он куда-то уехал. Есть его заместитель. Он говорит спокойно:

— Так, так. Отрезали? Наш монтер? Значит, были какие-то основания.

Я не выдерживаю. Я кричу что-то малопонятное. Заместитель начальника вешает трубку.

На другой день я снова в конторе электросвета. Меня встречает начальник.

— Здравствуйте, мой дорогой! Как ваши нервы? — обращается он ко мне, как к старому знакомому. — Что? Опять отрезали? За самовольное включение?

Он смеётся:

— У нас это бывает. Ничего. Пойдём вам навстречу: вне очереди вновь включим свет. Видите, мы какие: никакого бюрократизма!

Я снова пишу заявление. Он накладывает резолюцию.

Вечером я прихожу домой. Я ничего не пою. Меня встречает сын.

— Включили! — радостно сообщает он.

Но я не радуюсь. Я спрашиваю:

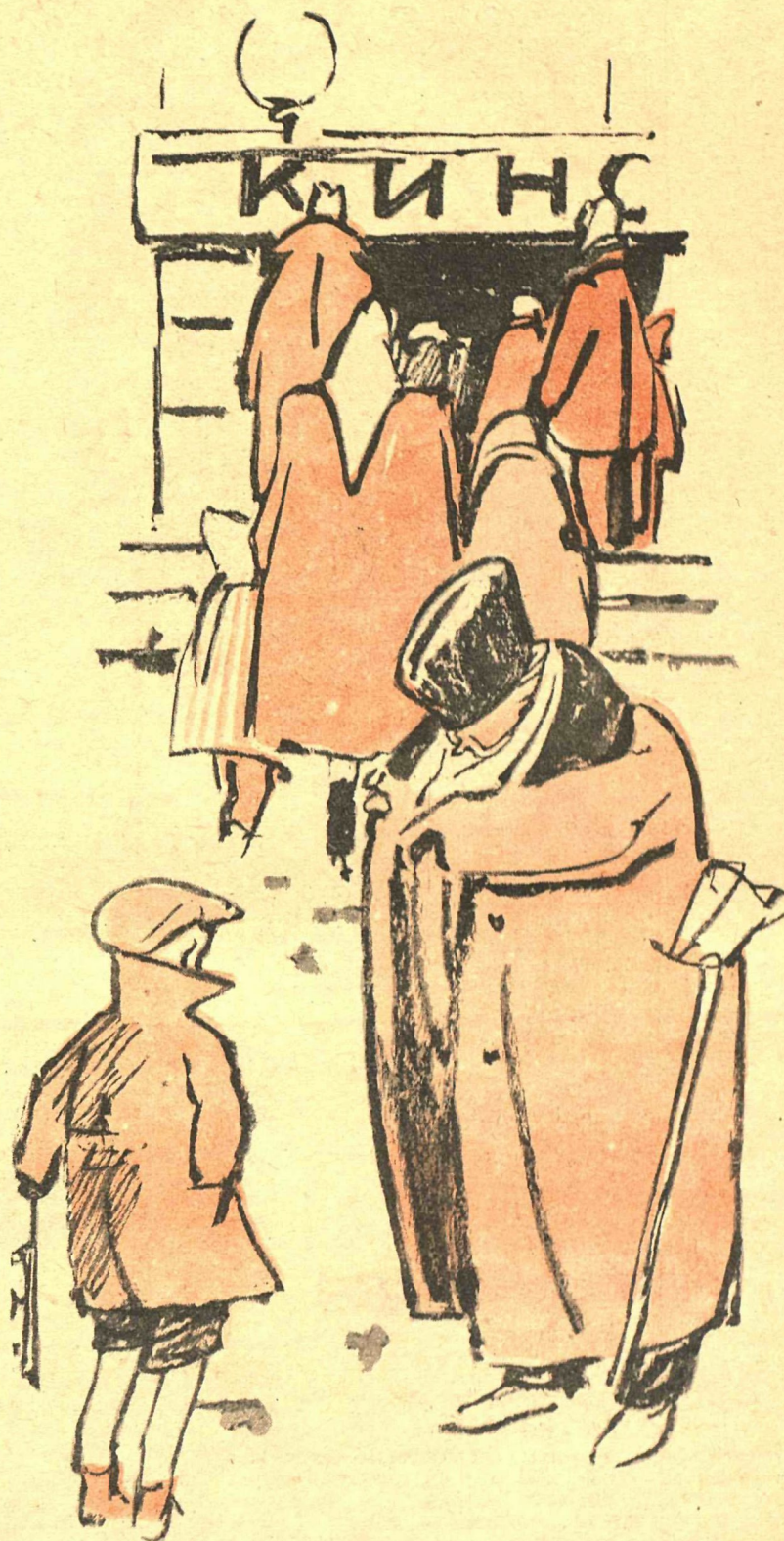
— Какой монтер включал? Первый или второй?

— Третий, — отвечает сын.

У меня опускаются руки. Я ничего не пою, я молчу.

Е. ЛУБИН

г. Грозный.

— Ты давно уже должен был сделать уроки и лечь спать, а не околачиваться здесь так поздно и перепродавать билеты по пятнадцати рублей! Десять рублей — и больше ни копейки!

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ПО ПРИНЦИПУ «ЧЕГО ИЗВОЛИТЕ!»

В № 31 Крокодил описал курьёзную историю о том, как один и тот же критик пожурил в «Вечерней Москве» редакцию журнала «Знамя» за то, что она опубликовала повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда», а в «Известиях» похвалил «Знамя» за опубликование той же некрасовской повести.

Нас просят отметить, что этот случай — неединичный.

В «Вечерней Москве», № 6749, критик Вл. Костин писал:

«Кукрыниксы в «Даме с собачкой» остановились на слишком простой характеристике чеховских героев, лишив их глубоких психологических черт, которыми наделял Чехов наиболее чело- вечные и любимые им персонажи».

А вскоре тот же критик, Вл. Костин («Вечерняя Москва», № 7110) уже писал:

«...Художники тонко почувствовали не только психологические переживания героев этих произведений (Чехова), но и гнетущую пустоту жизни, их окружающей, сумели раскрыть человечность чеховских героев, продиктованную исключительной любовью писателя к жизни и людям».

В новых рисунках к замечательному произведению Чехова «Дама с собачкой» Кукрыниксы последовательно, верно и убедительно передали облик представителей определённых кругов русской предреволюционной интеллигенции... Авторы обладают драгоценным свойством иллюстраторов — проникать не только в самый характер эпохи, но и в сложную духовную жизнь героев литературных произведений. Это качество обусловило Кукрыниксам успех иллюстрирования сложных по своей психологической сущности произведений А. П. Чехова».

НОВАЯ ОПЕРА ЧАЙКОВСКОГО

Горьковский театр оперы и балета выпустил трёхтысячным тиражом либретто оперы «Травиата». На заглавном листке этого либретто утверждается, что автором «Травиаты» является П. И. Чайковский.

Будь жив Пётр Ильич, он поспешил бы написать опровержение и убедил бы рассеянных составителей либретто, что с него хватит действительно написанных им «Евгения Онегина», «Лебединого озера», «Пиковой дамы» и ему незачем присваивать себе чужое добро.

Зачем же всё-таки в городе Горьком приписали Чайковскому «Травиату»? Неужели в порядке обновления репертуара?..

Рис. В. ПРОРОКОВА

В тот год весенняя погода
Стояла долго (смущена
Была сим казусом природа):
Весь год успешно шла «Весна».

Шёл первый снег. Проснувшись рано.
Опять увидела Татьяна
В своё московское окно.
Что мало нового в кино!

Зима. Эстражник торжествуя,
Концертный обновляет путь.
Его машина, чуть буксуя,
Спешит налево соскользнуть.

Вот бегаёт беспечный мальчик
(Сказать по правде, знаем, чей).
Шалун уж заморозил пальчик,
А папа — тонну овощей.

ОДИН ТИМОШОВ И ДВА АППАРАТА

Досуги можно проводить по-разному. Одни посвящают их чтению книг. Другие посещают театр. Третьи увлекаются спортом. Что касается тов. Тимошова, начальника шахты № 5 треста «Краснолучуголь», то он в свободное от служебных обязанностей время предпочитает заниматься сменой подчинённых ему работников. То он сменяет десятников, то начальников участков, то одновременно и тех и других.

Дошла, наконец, очередь и до тов. Державина, начальника отдела технического контроля (ОТК). Снял руководитель шахты и его. Но тут на пути Тимошова неожиданно возникла трудность: трест предложил ему восстановить Державина.

Что делать? Неужели перестроить на иной лад досуги?

Никаких перестроек! И Тимошов назначает начальником ОТК своего кандидата. Таким образом, во главе одного и того же отдела стоят два начальника: один — тимшовский, другой — трестовский.

Есть основание предполагать, что в шахтоуправлении № 5 постепенно возникнут два аппарата: один будет состоять из сторонников Тимошова, другой — из неугодных ему лиц. В предвидении этого замечательного события мы убедительно просим плановиков треста заранее подсчитать, во что обойдётся тонна тимшовского угля.

фотокарточку в фас или в профиль? И ещё: не следует ли на всякий случай при записи в библиотеку прилагать также дактилоскопические оттиски большого и среднего пальцев правой руки?

ВСЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Кутаисская городская публичная библиотека считает бесполезным лишним раз оповестить население о своём существовании. Вот почему в один прекрасный день по городу были расклеены объявления такого содержания:

«Дирекция публичной библиотеки культурно-просветительного отдела Кутаисского городского совета депутатов трудящихся сим доводит до сведения граждан, что получено библиотекой учебно-научной, многообразной и художественной литературы.

Здесь же организована аналитическая опись новых газет и журналов. Читатели могут пользоваться интересующиеся ими статьями и материалами.

Для удовлетворения потребностей читателей проводятся лекции и доклады.

Для записи необходимы фотокарточка и паспорт».

Всё ясно, кроме одного: нужно ли «для удовлетворения потребностей читателей», которые «могут пользоваться интересующиеся ими статьями и материалами», предъявлять

НЕСЕЗОННАЯ ТЕМА

Едва только приезжий покидает вагон поезда, прибывающего в город Калязин, Калининской области, и выходит на вокзальную площадь, как его сразу же со всех сторон обступают обширные пространства, покрытые грязью. Приезжий направляется в город, но грязь неотступно следует за ним. Захотите проникнуть в кинотеатр, — не удастся: около него расположены редко высыхающие грязевые ванны. Пожелаете попасть в Дом культуры, — не выйдет: те же ванны осаждают и сие культурное учреждение.

Конечно, грязь — явление сезонное, о котором уместнее вспоминать весной или осенью, а не зимой, когда есть надежды, что морозы хоть на время приберут к рукам зеркальную гладь безбрежных луж. Но мы всё же решили затронуть эту тему. Ибо скоро предстоят выборы в местные Советы. И будут они происходить также в Калязине. И очень хотелось бы, чтобы избиратели напомнили руководителям своего горсовета о том, что нельзя бесхозяйственно относиться к несметным грязевым богатствам, лежащим мёртвым капиталом на улицах города.

Вот почему мы затронули эту несезонную тему.

Дорогой Крокодил

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Дорогой Крокодил!

Представь себе на минуточку, что ты председатель сельсовета в селе Лермонтово, Чембарского района, Пензенской области, тов. Лобанов Ф. П.

Представил? Теперь слушай, что у тебя происходит: постепенно пришли в негодность плотина и мост в твоём селе. Дошло дело до несчастья — упал с плотины грузовик с людьми.

Что ты будешь предпринимать в этом случае? Срочно берёшься за ремонт плотины? А может, есть другой выход? Нет? Вот и не угадал! Настоящий Лобанов и моста не чинил и аварии предотвратил. Просто поставил в концах плотины два столба с надписью: «Проезд на автомашинах, тракторах и гужтранспорте воспрещается. За нарушение — штраф 100 рублей». Ловко?

Впрочем, не сетуй, дорогой, на свою недогадливость. Такое, действительно, трудно себе представить!

Я. И. МЕЛЬНИКОВ

Село Лермонтово, Чембарский район, Пензенской области.

Дорогой Крокодил!

Меня вызвали по делу в народный суд Центрального района ровно к 11 часам утра. Я был точен. Но судья тов. Иванов явился только к 12 часам. Сначала он стал разбирать дела о прогулах. Мне предложили прийти через час. Но через час суд занялся уголовными делами. Мне предложили прийти через 30 минут. Я был точен... Короче, я потратил 6 часов, но дело, по которому я был вызван, так и не разбирались: его отложили.

Я совершил шестичасовой прогул. Таких, как я, в суде было много: всех без исключения вызывали ровно на 11 часов утра. Собственно говоря, всех нас следовало судить за прогулы. Но судить-то будет тот же Иванов. Правда, дела о прогулах он будет слушать в первую очередь. Утешение довольно слабое!

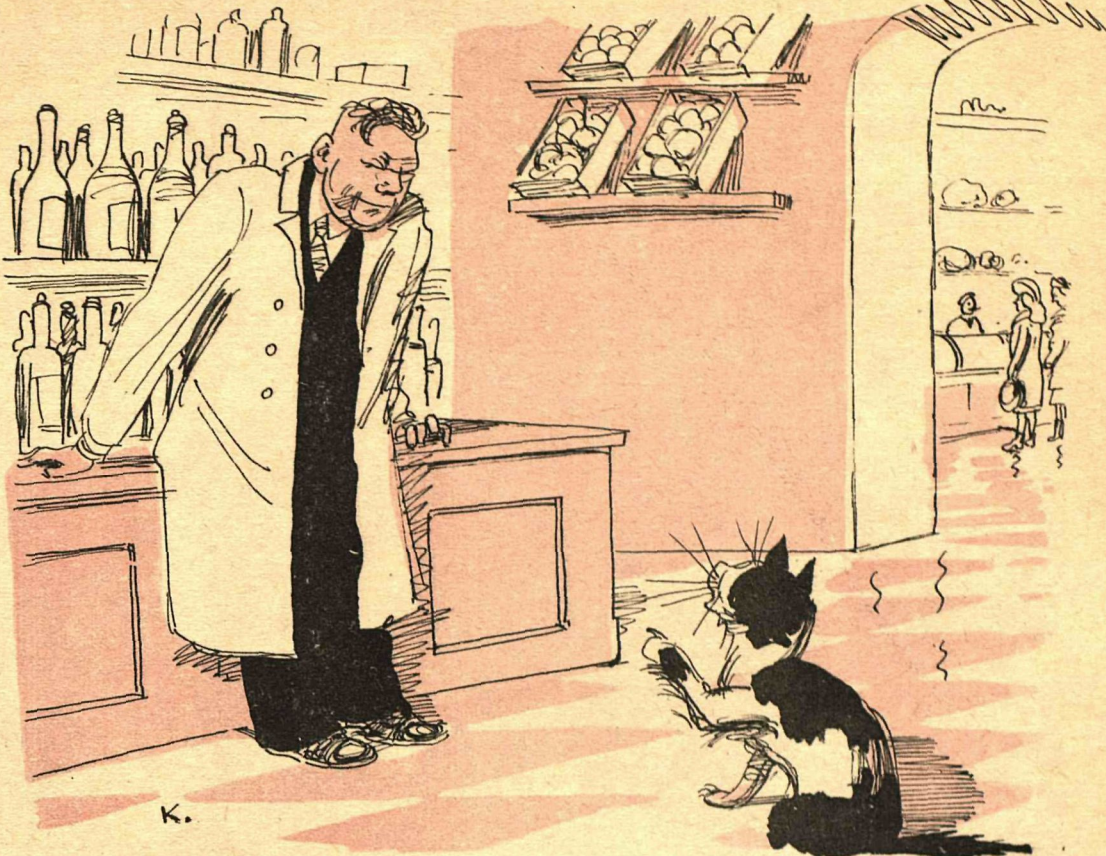
И. КОБЕРНИК

г. Кемерово.

Уважаемый Крокодил!

Приятно будет тебе узнать, что в семье Романовых, жителей г. Кирова, царят мир, согласие и взаимная поддержка. Муж не только добр, а даже, пожалуй, слишком снисходителен к жене. Гражданка Романова работает дежурным техником на Кировском радиоузле. Говорят, что она там профилактический ремонт вовремя не производит, аппаратура у неё грязная, качество передач низкое, но муж говорит: «Отлично!» Порой во время дежурства она с поста отлучается. Муж всё равно гово-

— Я вам говорила, Михаил Петрович, не списывайте на меня тонну масла. Не меня прогонят из магазина, а вас. Так оно и вышло.

рит: «Отлично!» Ну и говорил бы соседям и знакомым, а то ведь пишет, да прямо в журнале радиоузла. Он ведь, Романов, — старший техник Кировского радиоузла и жене своей непосредственный начальник.

Неловко вмешиваться в семейные дела, но если в журнале радиоузла Романов за плохую работу ставит жене отметку «отлично», то нельзя ли ему поставить в твоём журнале «плохо»?

И. СЕРГЕЕВ

г. Киров.

Уважаемый Крокодил!

Хочу поделиться с тобой некоторыми весьма полезными сведениями о клопах, которые (сведения, а не клопы) я почерпнул из энциклопедического словаря. Например я узнал, что это насекомое весьма распространено. Возможно. Но почему ни слова не сказано о киевской гостинице «Украина»? Очевидно, автор статьи о клопах в этой гостинице не останавливался. А я на собственной шкуре испытал всю прелесть общения с клопами, пожив в «Украине».

Далее в энциклопедии говорится о мерах борьбы с клопами. Это персидский порошок и периодическая чистка помещения. Что касается персидского порошка, всё ясно. А вот что подразумевается под чисткой? Периодическая ли уборка помещения или, если иметь в виду ту же «Украину», чистка иного рода. Например чистка персонала, доведшего гостиницу до такого состояния.

Хотелось бы знать твоё просвещённое мнение по этому вопросу.

В. МАШТЫГИН

Талалаевский район, Сумской области.

Товарищ Крокодил!

Кто, когда разрушал Магнитогорский металлургический завод? Никто, скажешь ты со всем присущим тебе авторитетом.

Газета «Омская правда» придерживается иного мнения: 5 ноября она поместила снимок магнитогорских домен, а под снимком дала подпись: «Восстановленный после войны Магнитогорск».

Судя по этой подписи, единственное, что действительно нуждается в восстановлении, — это память работников омской газеты. Не поможешь ли ты им?

В. МОИСЕЕВ,
А. ОСИНИН

г. Омск.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

● По письму читателя Крокодила Министерство связи обнаружило крупные недостатки в работе Радищевской конторы связи (Ульяновской области). Приказом министра за допущенное злоупотребление заместителем начальника конторы Пашин снят с занимаемой должности и привлекается к судебной ответственности.

● Читатель Г. Глазов написал в Крокодил о безобразиях в коммунальном хозяйстве г. Ташауза. Письмо оказалось правильным. Руководство горкомхоза заведующий Спирин, городской инженер Губанов и прораб Шаронов за ряд должностных преступлений сняты с работы и привлекаются к ответственности.

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, И. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц

Изд-во «Правда»

Москва.

Изд. № 874.

Подп. к печати 4/ХП 1947 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А—11466.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 150 000 экз. Заказ № 3421

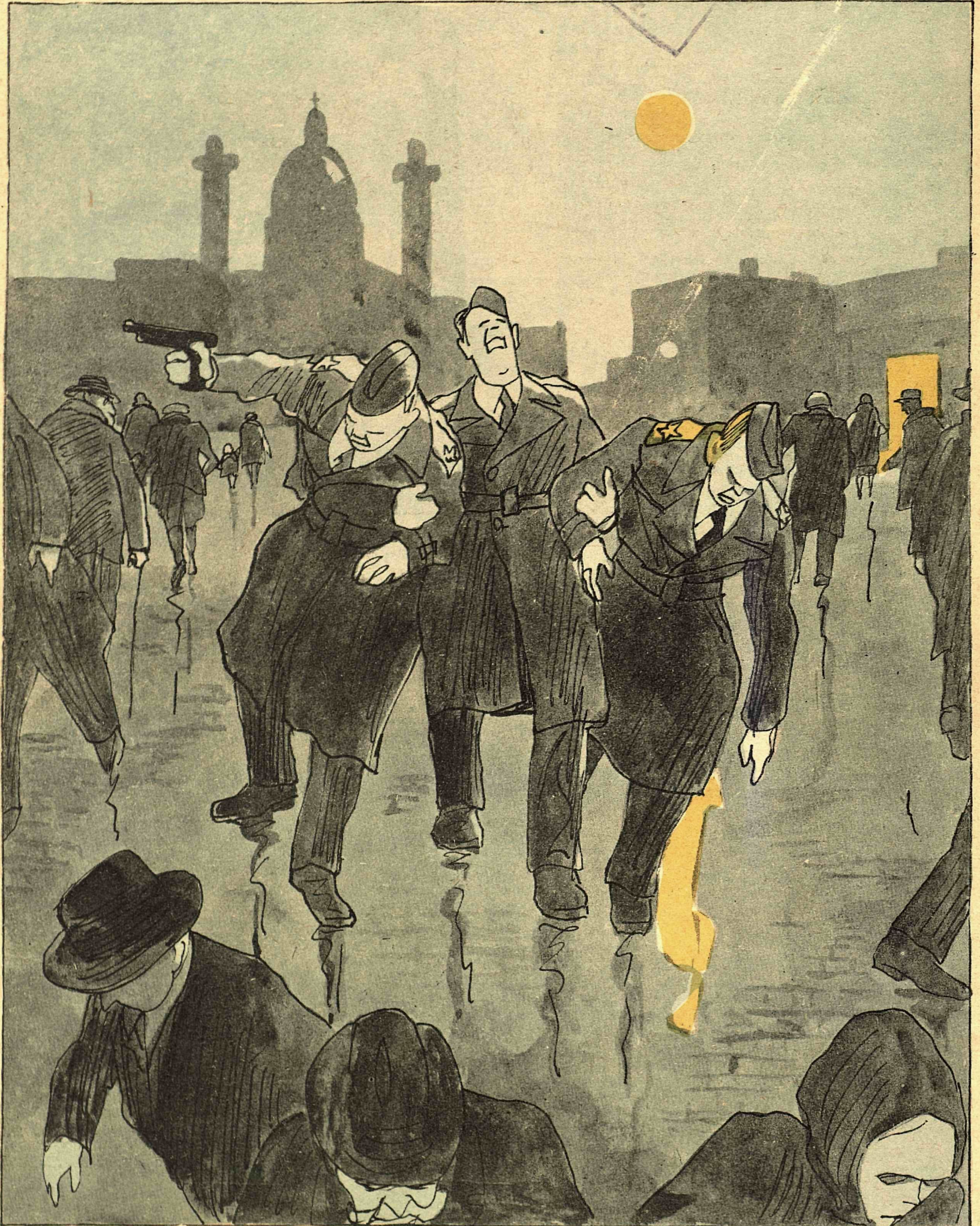
98
18 ДЕК 1947

9438
Ж

НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

Прогрессивные австрийские газеты рассказывают о бесчинствах американской военщины в Вене.

Рис. Л. БРОДАТЫ

Новый Свет в старой Вене.